«ОН ВОЗДАВАЛ ЗЕМНОЙ КРАСЕ ПОЧТИ МОЛИТВЕННЫМ ОБРЯДОМ». СТАНКОВАЯ ГРАФИКА НИКОЛАЯ ЗОЛОТУХИНА

Хлебникова Людмила Юрьевна
Художник, член Союза художников России,
член правления регионального отделения
Международного фонда славянской
письменности и культуры.
Россия, г. Екатеринбург.
valentina220750@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена творчеству уральского художника Николая Игнатьевича Золотухина. Рассматриваются вопросы становления и развития творческого стиля мастера, проводится анализ станковой графики. Статья проиллюстрирована работами Н.И. Золотухина из собрания Ирбитского музея изобразительных искусств.

Ключевые слова: Н.И. Золотухин, станковая графика, рисунок, графическое искусство, композиция, техника.

Библиографическое описание для цитирования:

Хлебникова Л.Ю. «Он воздавал земной красе почти молитвенным обрядом». Станковая графика Николая Золотухина // Искусство Евразии. – 2019. – № 2 (13). – С. 265-275. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.02.024. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/1431023/36/>

*«Если бы мы могли понять хотя бы один цветок,
мы проникли бы в тайну вселенной...»*

Хорхе Луис Борхес

*«Одно осталось ясно – что мир устроен грозно и прекрасно,
что легче там, где поле и цветы».*

Николай Рубцов

Просто и трудолюбиво прошла в Екатеринбурге жизнь замечательного художника Николая Игнатьевича Золотухина, посвятившего свое творчество станковому рисунку, что в наше время большая редкость. Незаслуженно немногочислен ряд публикаций о работах мастера [среди них – 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10]. Сейчас в связи с передачей всего наследия художника вдовой Ирбитскому музею изобразительных искусств в апреле 2019 г. стоит, на наш взгляд, вновь обратиться к нему, пристальнее рассмотреть творческий путь, манеру, художественные находки и открытия, взгляды уральского графика.

Рисунок Н.И. Золотухина на выставках являл себя в нескольких ипостасях: в классическом реализме, в декоративном переложении натуры и в абстрактных импровизациях. Карандаш, тушь, перо то со средневековой тщательностью, то быстрой штриховкой, то цветными структурными композициями изо дня в день заполняли маленькие и большие листы. Работая как миниатюрист, художник выполнял громадные композиции (90 х 55 см). Причем так, что каждый миллиметр был обласкан художником. Это должно было бы вызывать недоумение. Однако все всегда было убедительно, и его любовная кропотливость только восхищала поклонников.

Но было в работах Николая Игнатьевича нечто гораздо выше виртуозности. Ведь не всякий человек, даже очень талантливый рисовальщик, может стать художником. То есть по профессии он, конечно же, мастер, но по складу личности – не всегда творец. Ему может не доставать романтизма, поэзии, любви, того, что животворит мастерство. Как умелая рука становится творческой – до сих пор тайна. Мы лишь сознаем, что претворяется она в душе особой, умеющей слышать тишину, видеть неявное, в душе постоянного чуткого восхищения миром, когда даже сон пульсирует вереницей замыслов. Без сомнения, такой душой обладал Николай Золотухин – тонкий проникновенный художник, не искавший в жизни ничего кроме творчества, а в творчестве имевший одну излюбленную привязанность к цветам, травам, ко всей красе земли.

Дня не мог прожить мастер, не общаясь с миром растений. Даже в свои последние прощальные земные дни, уже не выходя из дома, он рисовал приносимые ему былинки, бутончики. Он никогда не рисовал деревья, но всегда – побеги, ветви, плоды, быть может, потому, что его больше влекла тайна прорастания «былия саморосленного», сила созревания, которой дышит серия «Сад». Вот ветвь осенняя, влекомая к земле зрелостью плодов и утяжеленная контражуром освещения, или весенняя – легкая, высветленная зенитным солнцем, стремящаяся к небу с полураскрывшимися почками. Он жил каким-то особым интимным обожанием всего, на что упадет взгляд художника в земном саду. Кажется, что незримые токи цветения, благоухания непостижимым образом ощущал его собственный организм. О подобном чувствовании в своих воспоминаниях о детстве пишет Павел Флоренский: «Во мне жило убеждение, убеждение моего сердца, что цветы – мои цветы, любимые мною, – любят меня, цветут именно для меня и что мое невнимание к их красоте было бы оскорблением, скорее раною их горячему ко мне чувству» [9, с. 96]. Простые зарисовки и законченные композиции удивительного графика Золотухина остались свидетельством таких же пронзительных чувств.

Когда перед глазами проходит череда дней художника в его ежедневных зарисовках, видишь последовательное обострение наблюдательности и мысли художника. Сначала он выделял ветку или бутон из естественного окружения и познавал, рисуя безукоризненно подробно, как старые мастера, до каждой прожилки, до иллюзии трепета... Но не ради победы над формой, в этом он был фантастически свободен, а ради проникновения в сокровенную суть растения, которое почитал существом чуть ли не одушевленным и душевным. Поэтому простой, для кого-то постановочный рисунок «Ветка сирени» (1978) пленяет возвышенной тональностью грусти увядания.

Рис. 1. Н.П. Золотухин. Ветка яблони. 1978 г. Бумага, графитный карандаш. 20,1 x 28,9 см. Ирбитский музей изобразительных искусств. Фото ИМІІІ.

Рис. 2. Н.П. Золотухин. Плоды на земле. 1998 г. Бумага, графитный карандаш. 40,3 x 49,3. Ирбитский музей изобразительных искусств. Фото ИМІІІ.

В дальнейшем задачи композиции приведут графика к приему кадра. То кадр выхватит плоды, их плотные объемы, укромно положенные в кружева невесомых воздушных трав; то выделит верхушки цветов, ветвей, обращенных к солнечному небу, когда исчезает объем и главенствует ажур переплетенных побегов. Картофель, яблоки, капуста, цветы равновелики для художника, и неслучайно в серии «Натюрморты в саду» (1985) он изображает их на земле, бережно собранными и всегда без присутствия человека. Потому что главное чувство замысла серии – в изображении святого лона земли, тихого торжества ее материнства, которое человек прошлого чувствовал ярче, чем современный. Сам садовник в композициях лишь подразумевается следами присутствия – корзинкой у ствола дерева, скамеечкой у горки яблок.

Другое переживание натуры встречает нас в цикле «Сад в сумерках» (1997), когда уходит оптимизм дня и жизнь погружается в зыбкую среду на грани исчезновения. В сумерках для художника ощутимей тишина, слышнее вздохи трав, растворяются границы сада, и обнажается связь жизни малого цветка с целой вселенной. В этой серии, лирически нежной с восхитительным тональным богатством, образно исчезают границы композиции для нас, зрителей. И уже не художник, а мы оказываемся внутри этой живой сумеречной тишины, как в первозданности. А когда выходим из погружения в образ, понимаем, что запечатленные художником ощущения – не только от очарованности зеленым царством, но и от боли видимого погубления *при-роды*, в *роды* которой так безжалостно порой вторгается современность.

Художник рисовал так много трав, плодов, цветов, до такой тонкости проникся всем растущим миром, что выйти из реализма рисунка в условные формы монументальных работ ему было легко, причем в декоративной условности не пропадала полнокровная радость жизни.

И если в станковом его творчестве сад всегда без человека, всегда наедине с автором, то в монументальном, по удачному выражению А. Матвеева, – «сад, где растут люди среди цветов и звезд». Ликующая солнечная гармония мира в целокупном единстве – волнистой под ветром нивы, птиц в облаках, трав и плодов – еще радует людей там, где сохранились работы Золотухина. В Уфе и Каменск-Уральске, Соликамске и Красноуфимске, Североуральске и многих других городах в золоте и киновари его росписей каждый раз воскресал неувядаемый сад его украинского детства. Народная роспись Украины с открытым локальным цветом отразилась в мозаиках, сценических занавесах. Сохранившиеся от них эскизы 1980-х годов – это законченные, самостоятельные произведения. Они торжественны, ярки, легко вызывают радостный эмоциональный отклик за счет композиционной ясности, в которой всегда было видно «где гость, где хозяин», по выражению древних китайских художников. Ключевое центральное изображение в них выделялось автором масштабно и цветом; и получало распространение в окружающих меньших деталях фона. В линогравюрах, сохранившихся от первых лет творчества (1980-е), можно наблюдать тот же принцип главного и окружения только в черно-белом варианте. Цвет заменялся тональными сочетаниями орнаментов с четкими границами на фоне белого листа. Неистощимая изобретательность автора заселяла фон линогравюры множеством узорных деталей, окружавших центральные образы в листах «Семья», «Труженики», «Цветение», и создавала живую пульсирующую поверхность. Любая линогравюра – это готовый эскиз для фрески или мозаики, так сильно в них чувство монументальности.

Н.И. Золотухин владел разными монументальными техниками: росписью, мозаикой, резьбой по дереву. И все делал сам – от эскиза на маленьком листочке пером и тончайшей кистью до монументального завершения. Эскизов делал много. Интересно наблюдать, как от наброска сначала возникал реалистический образ, как он претворялся в декоративный, потом уходил в обобщение условного языка и еле угадывался в почти абстрактной цветоструктуре. В этой образной растяжке чувствуется собеседование художника с мерой удаления от реальности. Он как будто испытывал грань, за которой абстрагирование теряет жизненность. Однако жизненность таких работ всегда оставалась в цветоносности, в знаковой орнаментальности, в которые уплотняются живые формы жизни, их бытийное значение, как, например, в народных вышивках: ромбик – проросшее зерно, множество ромбиков – поле, а берегиня – уже целая вселенная. Эти красивейшие по цветовой гамме композиции могли бы осуществиться в витражах, тканях, в отделке современных интерьеров. Некоторые из них переводились в станковые композиции в абстрактно-декоративном переложении. Эти графические опусы почти не появлялись на выставках. Их исток находим в нескольких гуашевых пейзажах раннего творчества 1970-х годов, в которых запечатлены двор его родного дома на Украине с белой хаткой и студенческие путешествия по России: Суздаль, Петербург и два вида из окна его мастерской на улицу Ленина в Екатеринбурге. В них пейзажная натура уже подчинена декоративному видению автора. Пятна тени, стволы и кроны деревьев, построение перспективы передавались им красивыми и декоративными сочетаниями цвета, в одних листах густыми и сочными, в других – легкими и нежными.

И все же при владении разными техниками графики ближе его натуре была кропотливая работа карандашом и тушью. Она отвечала его любви к творческому уединению, его интимному собеседованию с природой, где не только растения, но, кажется, даже звуки ночной тишины находили свой тонкий узор. Она отвечала его уникальной способности поэтически осязать всю вселенную каждой молекулой своего организма.

Когда не стало монументальных заказов в «лихие девяностые», рисунок для художника стал еще более органичной формой творческого существования. Он закрылся в нем от «экономического вестерна». Только он, карандаш и бумага, как поле, где выращивался свой сад и воспевался «Вышний Садовник всего видимого и невидимого» в двух полюсах – в образном реализме и обобщенно – в декоративном переложении натуры. Одновременно могли появиться абстрактная композиция – вселенная, как цветок, и цветной реалистический рисунок – яблоки томящейся зрелости с победным бликом на восковой коже.

Примерно в это же время точка зрения с высоты человеческого роста в укромные уголки сада в творчестве художника вдруг станет набирать высоту и подниматься в заоблачную высь. Как будто его признала сама природа и открыла ему свое срединное, связующее небо и землю призвание. «Он стал ее высотных зрелищ зритель». И для него – тайнозрителя раздвигаются облака, толща воздуха, «нежно бормочущие муравленные воды», заросли леса, травы, и открывается гнездо, и три округлых яйца с таинством новой жизни и парящими над гнездом птицами – знаком вечной земной цикличности.

*Рис. 3. Н.И. Золотухин. Композиция.
1998 г. Бумага, кисть, тушь.
39 x 45 см. Ирбитский музей
изобразительных искусств.
Фото ИМПП.*

*Рис. 4. Н.И. Золотухин. Композиция.
1998 г. Бумага, кисть, тушь.
41,9 x 35,7 см. Ирбитский музей
изобразительных искусств.
Фото ИМПП.*

Есть ранний рисунок Николая Игнатьевича, оставшийся единственным в наследии. В нем подспудно запечатлелась тяга художника к заоблачным высотам. Это небольшая зарисовка взгляда в небесную высь сквозь травы и растения, когда человек в состоянии мира с природой распростерт на земле. В том рисунке выше травы выделяется тонкая, длинная, весенняя в нежном цветении ветвь яблони, как траектория взгляда вверх — в небо, обозначенное легкими облачками и крошечными птицами. Может быть, еще в тот момент вспыхнул новый замысел. Но претворился он через много лет в 2000-х годах в монументальном торжественном графическом цикле «Земля и небо» с восхождением авторского взгляда по надмирной вертикали.

Рис. 5. Н.И. Золотухин. Большая птица. 2005 г. Бумага, перо, тушь. Л.: 74,2 x 53,7 см, и.: 69,9 x 50,0 см. ИРБИТский музей изобразительных искусств. Фото ИМПП.

Рис. 6. Н.И. Золотухин. Стая птиц. 2001 г. Бумага, перо, тушь. Л.: 70,2 x 54,9 см, и.: 66,9 x 50,4 см. Ирбитский музей изобразительных искусств. Фото ИМПП.

Как из космического прорыва будут видаться художнику все ярусы жизни, переосмысление визуального реализма. На бархатную глубину фона листа обобщенным рисунком – узором – будут проецироваться, налагаясь друг на друга, облака и волны, звезды и капли воды, птицы и ажур лесов, пятна полей, травы, воды, рыбы найдут свой узор... Все соединится бравурной стихией орнамента. Все ритмично, как пульс животворения. И темный фон, и черно-белое решение символически отражают чувственное восприятие художником таинственной совокупности мироздания, его космических глубин. Такова серия «Небо и земля» (2004).

Так замкнется круг жизни и творческого взгляда мастера – от максимального приближения к самому малому побегу до максимального охвата всей вселенной, пусть только художественно и поэтически воображаемой. Хоровая гармония мира прозвучит хвалебной одой в этом графическом цикле, который мало кто видел.

«Он воздавал земной красе почти молитвенным обрядом», – в этой стихотворной фразе Николая Рубцова весь смысл жизни удивительного, прекрасного, рано ушедшего от нас графика Николая Игнатьевича Золотухина. Но в каждой работе, в каждом прикосновении его руки нам остается его душа, которая «Свои не знает годы, / Так помладенчески чиста / Как говорящие уста / Нас окружающей природы» (Н. Рубцов).

Литература

1. Горбачева Н. Повернулось море кверху дном... // Вечерний Свердловск. – 1976.
2. Мастера уральской графики. Выставка из собрания музея. Каталог / Авт.-сост. аннот. кат. Н.Ф. Горбачева; Ирбитский музей искусств. – Ирбит, 1992.
3. Малинина Т. Монументальное искусство Свердловска // Художник и город : [сборник статей и публикаций] / сост. М. А. Терехович. – Москва : Советский художник, 1988. – 398 с. – С. 252-261.
4. Марьина М. Модели мира на тарелках // Уральский следопыт. – 1991. – № 5. – С. 56-57.
5. Матвеев А. Золотые яблоки солнца // Вечерний Свердловск. – 1979. – № 228.
6. Нелепин А. Уральский почерк // Декоративное искусство СССР. – 1971. – № 9 (162).
7. Степанов А., Степанова Т. Народная традиция, стилизация и профессиональная школа в творчестве Николая Золотухина // Колесо. Альманах Центра традиционной народной культуры Среднего Урала. – 2012. – № 2. – С. 12-15.
8. Степанов В. В. Реутов // Журнал «13». – 2005. – № 3.
9. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. – Харьков: Фолио, 2000. – 334 с.
10. Щербинина О. Золото и киноварь // Вечерний Свердловск. – 1983. – № 127.

Статья поступила в редакцию 24.05.2019 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.02.024

«HE RENDERED TO EARTHLY GLORY AN ALMOST PRAYER RITE». EASEL GRAPHICS BY NIKOLAY ZOLOTUKHIN

Khlebnikova Lyudmila Yuryevna

An artist, a member of the Union of Artists of Russia, a board member of the regional department of the International Fund for Slavic Literature and Culture.
Russia, Yekaterinburg.
valentina220750@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the artworks of the Ural artist Nikolay Ignatievich Zolotukhin. The questions of formation and development of creative style of the master are considered, the analysis of easel graphics is carried out. The article is illustrated by the works of N.I. Zolotukhin from the collection of the Irbit State Museum of Fine Arts.

Keywords: N.I. Zolotukhin, easel graphics, drawing, graphic art, composition, technique.

Bibliographic description for citation:

Khlebnikova L.Yu. «He rendered to earthly glory an almost prayer rite». Easel graphics by Nikolay Zolotukhin. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2019, No. 2 (13), pp. 265-275. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.02.024. Available at: <https://readymag.com/u50070366/1431023/36/> (In Russian)

References

1. Gorbacheva N. *Povernulos' more kverkhu dnom...* [The sea turned upside down...]. Vechernii Sverdlovsk – Evening Sverdlovsk, 1976.
2. *Mastera ural'skoi grafiki. Vystavka iz sobraniya muzeya. Katalog* [Masters of the Ural graphics. Exhibition from the museum collection. Catalog]. Irbit, Irbit State Museum of Fine Arts, 1992.
3. Malinina T. *Monumental'noe iskusstvo Sverdlovsk* [The Monumental Art of Sverdlovsk]. In: *Khudozhnik i gorod* [Artist and the City]. Moscow, Sovetskii khudozhnik, 1988, pp. 252-261.
4. Maryina M. *Modeli mira na tarelkakh* [Models of the World on Plates]. *Ural'skii sledopyt – Ural Pathfinder*, 1991, No. 5, pp. 56-57.
5. Matveev A. *Zolotyie yabloki solntsa* [Golden apples of the sun]. *Vechernii Sverdlovsk – Evening Sverdlovsk*, 1979, No. 228.
6. Nelepin L. *Ural'skii pocherk* [Ural penmanship]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR – Decorative Art of the USSR*, 1971, No. 9 (162).
7. Stepanov A., Stepanova T. *Narodnaya traditsiya, stilizatsiya i professional'naya shkola v tvorchestve Nikolaya Zolotukhina* [Folk tradition, stylization and vocational school in the works of Nikolay Zolotukhin]. *Koleso. Al'manakh Tsentra traditsionnoi narodnoi kul'tury Srednego Urala – Wheel. Almanac of the Center for Traditional Folk Culture of the Middle Urals*, 2012, No. 2, pp. 12-15.

8. Stepanov V. V. *Reutov. Zburnal «13» – «13» Journal*, 2005, No. 3.
9. Florenskiy P.A. *Detyam moim. Vospominaniya proshlykh let* [To my children. Memories of past years]. Kharkov: Folio, 2000. 334 p.
10. Shcherbinina O. *Zoloto i kinovar'* [Gold and Cinnabar]. *Vechernii Sverdlovsk – Evening Sverdlovsk*, 1983, No. 127.

Received: May 24, 2019.